

РЕЦЕНЗИИ

КРАТКИЙ КУРС СОЦИОЛОГИИ В ИЗЛОЖЕНИИ КРИМИНОЛОГА

*Кристи Н. Плотность общества / Пер. с норвеж. Е. Рачинской;
под науч. ред. Я.И. Гилинского. — СПб.: Алетейя, 2014*

Преступность — это не судьба, а выбор. Как в индивидуальном плане, так и в общественном. И если в существовании криминологии есть какой-то смысл, то он состоит в том, что она должна помочь увидеть разные возможности выбора» (С. 39).

Формально, как заявлено в аннотации, небольшая по объему книга Нильса Кристи (1), криминалиста и социолога преступности из Университета Осло, хорошо известного в России благодаря своим работам и публичным выступлениям, посвященным дефиниции преступлений, логике правосудия, организации и функционированию пенитенциарной системы, «Плотность общества» представляет собой «аналитическое исследование современного [норвежского прежде всего] общества, опирающееся на данные криминологии [такowymi автор считает любые статистические и социологические данные, так или иначе затрагивающие проблемы преступности]» и сфокусированное на теснейших взаимосвязях преступности и общества как неизбежно порождающих друг друга (2).

Однако по мере чтения книги убеждаешься, что ее можно смело рекомендовать студентам в качестве важного дополнения к классическим учебникам по социологии: пытаясь ответить на принципиальный для себя вопрос, насколько важным фактором для типа социальности и характера преступности является та или иная степень плотности общества и размер составляющих его структурных образований, автор очень понятно и ярко прописывает базовые идеи и проблемы социологической дисциплины, хотя практически ни одна из них не сопровождается привычными и даже обязательными для традиционной социологической литературы отсылками — на соответствующие источники и персоналии.

Первое издание книги вышло в ноябре 1974 г., и в своем кратком предисловии Кристи лишь поблагодарил Университет Осло за предоставленную возможность «творческой эмиграции», позволившей автору написать эту работу. Второе издание книги в 1982 г., которое и было переведено на русский язык (первый перевод вышел в свет в 2001 г., но не получил широкой известности), удостоилось более развернутого предисловия, упоминающего особенности текста.

По признанию автора, он существенно переработал и упростил книгу, уточнил и обновил статистические данные, но сохранил «основную перспективу» — «размышления об обществе, проиллюстрированные примерами из криминологии», хотя с тем же успехом мог использовать и некриминологические примеры, скажем, из истории законодательства о наркотиках или общественной нравственности.

Предисловие к нынешнему русскому изданию было расширено и обрисовывает возможности прикладного использования основных положений книги, касающихся плотности общества как определяющей тип социальности и необходимый контекст научного осмысления проблем прогресса (сегодня он трактуется вполне однозначно — как рост и укрупнение материальной базы и всех структур социального пространства), контроля, отчуждения (1), бедности (4) (это обратная сторона материального достатка и отказа от личной ответственности за собственную жизнь — все решения отдаются на откуп «экспертам-формалистам»), социального доверия (утрату которого в российском обществе автор связывает с накопленным историческим опытом централизованных решений «сверху»), неразвитости гражданского общества — люди не выстраивают сильных и устойчивых горизонтальных связей, отказываясь таким образом «становиться экспертами в своей собственной жизни и создавать жизнеспособные формы общества» (С. 7).

Уже здесь проявляется одна из особенностей авторского стиля Кристи: он не склонен к однозначным констатациям, не говоря уже об оценочных суждениях, а предпочитает завершать перечисления неоспоримых тенденций вопросительными высказываниями, в которых, впрочем, чувствуется доля риторического вопрошания: «Насколько большими должны быть поселки, микрорайоны, города или даже страны?», «Какую плотность общества предпочтешь ты?».

Другая очевидная особенность книги — продуманное сочетание разных аналитических перспектив. Во-первых, Кристи сразу оговаривает необходимость междисциплинарного подхода в любых криминологических исследованиях, но, в первую очередь, подчеркивает важность социологического взгляда, используя словосочетание «социологически ориентированная криминология, которая должна сочетать в себе как изучение общества в целом, так и исследование тех аспектов, которые связаны с правонарушениями и реакцией на них общества» (С. 10). «Криминолога можно уподобить вечному маятнику. Если он слишком долго задерживается в одной из крайних точек, результатом его работы становится описание общества, лишенное необходимой информации о преступности и контроле над ней. Если же он задерживается в другой крайней точке, результаты его исследования лишаются перспективы, становятся скучными и непригодными для углубленного изучения проблем».

Во-вторых, Кристи настаивает на необходимости совмещения и чередования макро- и микрооптики анализа, переходя от характеристики основополагающих черт норвежского общества (и Скандинавии в целом) к описанию отдельных видов преступности и способов контроля над ней, а затем обратно — к норвежскому обществу, на всех этапах этого пути иллюстрируя статистические выкладки и общие рассуждения «наиболее простыми и часто встречающимися примерами», потому что «именно обыденные черты и повторяющиеся события становятся такими привычными, что мы перестаем их замечать» (С. 10). Подобная логика выбрана неслучайно — автор всячески подчеркивает прикладное «измерение» собственной работы: «это исследование представляет собой попытку описать и понять сложившуюся ситуацию, а за пониманием последует желание изменить ее» (С. 11) (5).

Кристи начинает свое исследование с констатации двух фиксируемых статистической тенденций в развитых (скандинавских) странах: хотя общее число правонарушений и количество разных их типов неуклонно растет, динамика преступлений против чести и достоинства резко снижается. Поскольку заметных изменений в законодательстве не происходило, но неуклонно уменьшается количество заявлений в полицию и судебных приговоров по преступлениям, совершенным против чести и достоинства, Кристи из трех возможных причин происходящего — 1) люди стали более уважительны по отношению к друг другу, 2) люди чувствуют себя уверенно и потому не обращают на оскорбления особого внимания, 3) честь и достоинство потеряли свое значение, т.е. оскорбления не играют никакой роли и защищать себя от них не важно, — выбирает третью (мы отдаляемся друг от друга), ссылаясь на подтверждающие ее факты (например, явно изменились формы общения и взаимоотношений между людьми).

Для объяснения происходящего Кристи апеллирует к двум моделям роста общества, доминирование каждой из которых определяется множеством причин, но, прежде всего видом средств производства и (политическими) представлениями о преимуществах совместного проживания. Первая модель — почкование — характерна для прошлых этапов развития западных обществ и предполагает эмиграцию части жителей с демографически переполненной территории, чтобы основать новую социальную систему, полностью аналогичную покинутой. Вторая модель — укрупнение — отличает нынешние развитые общества и влечет за собой рост географических образований и составляющих их единиц. Описание содержания моделей в книге наводит на аналогии с предложенным Э. Дюркгеймом разведением механической и органической солидарности [5]: почкование возможно только в небольших обществах, где «узкая специализация таит в себе опасность... и не нужна» (С. 18), все знакомы друг с другом, молодежь активно взаимодействует со старшим поколением, много хороших мастеров на все руки; рост по модели укрупнения создает сообщества с большим количеством членов, где специализация просто необходима и порождает «высшую степень разделения труда» и множество социальных последствий, в частности, неравенство в силу концентрации власти в одних руках — «сложные структуры не могут избежать организации своих сотрудников по принципу пирамиды» (С. 20). Средства производства у Кристи также обладают всеми характеристиками дюркгеймовского социального факта: объективны и «в них заложено принуждение».

Скандинавские страны для Кристи — случай исключительный: их процветание — результат того, что они придают решающее значение обеспечению минимального прожиточного уровня для всех, хотя подобная характеристика соответствует действительности только в том случае, «если не предъявлять слишком большие требования к понятию минимума».

Однако гарантии удовлетворения важнейших потребностей большинству граждан не обеспечивают равенства: классовые различия, основанные на имущественном и социальном неравенстве, сохраняются, но их фундамент несколько трансформировался. Так, в новой действительности привилегией становится полностью оплачиваемая трудовая деятельность (вырос уровень безработицы и «найти применение своей жизни» стало затруднительно), а не, как в прежние времена, возможность не работать. Кристи жестко развенчивает миф западного общества о равенстве возможностей, согласно которому «каждый кузнец своего счастья... и может своим трудом добраться до вершины социальной лестницы. Такое иногда случается, и эти исключения используют для подтверждения мифа. Но в действительности кузнецом счастья является семья или социальное происхождение» (С. 27), благодаря которым человек обретает материальное и неясное наследство (шанс получить хорошее образование, например).

По мнению Кристи, общество пытаются представить в виде некоей спортивной арены для справедливой борьбы людей якобы на равных условиях, но социология развенчивает эту мифологему: даже чтобы просто попасть на эту арену, необходимо «соответствующее благоприятное социальное и географическое происхождение». Совокупность всех перечисленных условий — рост путем укрупнения, социальное неравенство и значительные классовые различия в сочетании с мифами о равных возможностях — и создают питательную почву для социальных отклонений (6).

Масштабы их распространения и вариативность в значительной степени зависят от особенностей социального контроля, которые, в свою очередь, определяются размерами общества. В небольших социальных общностях все члены оказываются на виду друг у друга, связаны родственными узами, длительной историей взаимоотношений или совместного проживания на одном месте, что существенно ограничивает индивидуальную свободу, но в то же время делает человека предсказуемым — «страховкой против возможных несчастий становится порядочность» (С. 32).

В больших социальных системах с высокой степенью внутренней дифференциации и раздробленности, которые склеивают воедино средства массовой информации, человек преимущественно выступает не как личность, а как носитель той или иной профессиональной функции или социальной роли, абсолютно в гофмановском смысле «блуждая из одной сферы жизни общества в другую, приобретая новые роли, новых партнеров и зрителей, которым совершенно не нужно знать о других ролях» (С. 31). Это позволяет вырваться из-под тотального общественного контроля, дает ощущение свободы и социальной «невидимости», порождает

одиночество как сознательный выбор — возможность совершать неординарные поступки, не опасаясь лишиться общения, поскольку терять просто некого. Соответственно, в небольших сообществах с высокой плотностью (все члены связаны отношениями сильной личной взаимозависимости) и «хорошей видимостью» превалирует более качественный, широко распространенный, спонтанный и максимально неформальный первичный контроль — «все виды поощрений и наказаний, присутствующих в обычном общении людей между собой», тогда как в крупных образованиях с «плохой видимостью» и низкой плотностью — вторичный контроль, осуществляемый специалистами и только по требованию.

Кристи не идеализирует первичный контроль и системы высокой плотности: последняя может оказаться столь большой, что будет провоцировать правонарушения, например, убийства в защиту чести, и создавать невыносимую атмосферу всеобщей слежки друг за другом. Кроме того, подобный тип обществ редко отличаются гармоничные отношения с государственными структурами; плотное общество настолько «опутывает человека путиной взаимоотношений, что он не может вырваться из нее... если люди не могут найти мирный способ разрешения конфликта, выходом становится насилие». «Разобщенное» общество, конечно, предоставляет больше возможностей «покинуть арену конфликта», но рост насилия здесь обусловлен как раз отдалением людей друг от друга — для них просто «перестают действовать общепринятые нормы поведения по отношению к другим» (С. 73). «Когда откуда-то уходит дух соседства, туда входит полиция. Люди теперь часто переезжают с места на место и не знают своего окружения. Это заставляет в урегулировании конфликтов опираться на полицейские меры. В маленьком сообществе гораздо больше возможностей встречаться, договариваться, замечать друг друга. Очень важно, чтобы люди знали своих соседей, были связаны со своим окружением. Мне гораздо больше нравится соседский контроль, чем полицейский...» [7].

Главный вопрос для Кристи — какова оптимальная плотность общества, т.е. составляющие ее взаимная зависимость людей друг от друга, которая может создавать препятствия для разного рода злоупотреблений, и «видимость», определяющая предпосылки, возможности и результаты контроля преступлений и деятельности правоохранительных органов. Но прежде чем искать ответ на данный вопрос, Кристи считает необходимым разобраться с понятием преступности: «Что принять в качестве точки отсчета: то, что по закону считается преступлением; то, что свидетели считают совершенным в невменяемом состоянии; то, в чем сознаются граждане; или то, что испытали жертвы; или, может быть, то, что власти зарегистрировали как преступление? На первый взгляд, что может быть проще: дефиниции преступлений мы находим в уголовном кодексе, а статистические данные получаем из подсчета заявлений в полицию... но на данные официальной статистики опираться нельзя. Эта статистика отражает только преступления, зарегистрированные властями. Остальное покрыто мраком» (С. 40). Кроме того, «нарушение закона не является величиной постоянной. В разные времена и в разных государствах одни и те же действия считаются либо противозаконными, либо нет... Такие

понятия, как частная собственность, половая жизнь, сама жизнь, наконец, наделяются в разные времена разным смыслом, и это затрудняет толкование статистических данных о преступлениях против них» (С. 41). Осложняет ситуацию и то, что трактовка любого развития событий как преступного насилия «напрямую зависит от того, чье определение ситуации будет принято за основу» (С. 84), а «борьба за правильное определение насилия в действительности лишь частный случай борьбы за власть» (С. 87), т.е. фактически Кристи намечает в криминологической сфере ту борьбу конкурирующих дискурсов, которую Т.А. ван Дейк считает конститутивной основой социальной действительности [3]. Проблема не только в том, что, как пишет Я.И. Гишинский, «все девиантные проявления являются социальными конструктами, и уже поэтому их причина — воля „конструктора“: законодателя, общества, СМИ» [1], т.е. «отмени уголовный закон, и преступности не будет, хотя будут лишать жизни и имущества» [4], но и в том, что запреты способны порождать даже более тяжкие последствия, чем само запрещаемое явление, а также социальное исключение и стигматизацию.

Приводя в работе сводную статистику о количестве осужденных, обвиняемых, расследованных убийств и т.д., данные опросов общественного мнения о частоте оскорблений и угроз в Норвегии за более чем столетний период, Кристи отмечает стабильность числа зарегистрированных правонарушений до недавнего прошлого и их неуклонный рост с 1967 г. (аналогичные тенденции демонстрируют и другие страны — Дания, Швеция, страны Западной Европы, Канада и США), но подчеркивает, что подобные статистические выкладки нельзя однозначно интерпретировать как рост доли преступников в современных обществах. Наметившиеся тенденции могут объясняться и усовершенствованием технического аппарата формального контроля (о большем количестве преступлений сообщается, их больше фиксируется и т.д.), и тем, что определенные виды деяний стали чаще восприниматься как преступные, и тем, что люди стали реагировать даже на малейшие проявления насилия, и более жестким контролем со стороны правоохранительных органов.

Однако Кристи акцентирует два принципиальных момента: в современных обществах ухудшаются условия «видимости», что соблазняет на преступные действия, ослабляет прямую зависимость между людьми, снижает вероятность неприятных и нежелательных последствий от поступков, а рост безработицы порождает слабо контролируемые группы исключенных их жизни общества. В совокупности все это приводит, во-первых, к доминированию вторичного контроля и почти слепому доверию общества к нему, поэтому его система постепенно захватывает власть; во-вторых, все больше людей оказываются зарегистрированы как преступники, что является «величайшим злом» для автора, последовательно и убежденно на протяжении десятилетий выступающего за необходимость гуманизации не только пенитенциарных систем, но и трактовок преступности, слишком часто отражающих интересы власть предержащих (с точки зрения применения насилия), а не слабых и не обладающих властью «жертв».

Апеллируя к вполне томасовскому «определению ситуации», Кристи настаивает на необходимости трактовки преступления не как некоего совершенного природным грешником зла, а как события, причастным к которому может оказаться любой, пусть даже только в мыслях: «мы ворует, и занимаемся этим уже давно» (каждое второе правонарушение в Норвегии — преступление против собственности, но статистика в основном фиксирует уклонения от налогов и пошлин и ограбления и почти не «видит» кражи, с которыми владельцы магазинов предпочитают разбираться самостоятельно); на разные правонарушения нас нередко «толкают» объективные обстоятельства, шанс попасть в которые велик у любого (безработица, долги, нисходящая социальная мобильность и др.), причем как в случае социального проигрыша (низкий социальный статус и обездоленность чаще связаны с уголовно наказуемыми преступлениями), так и выигрыша (здесь чаще встречаются нарушения налогового законодательства и гражданского кодекса), т.е. и в сфере преступности «работает» традиционное классовое распределение «ролей».

Для Кристи заключенные и преступность в целом — важный индикатор состояния общества: «скажи мне, кто твои заключенные, и я скажу, кто ты» (С. 131). По его мнению, если бы норвежское общество действительно достигло утверждаемых им идеалов всеобщего равенства, таковое бы фиксировалось и в тюрьме — в социальном составе заключенных. Однако контингент тюрем, наоборот, демонстрирует «правдивую и неутешительную картину, отражающую фундаментальное неравенство в обществе»: если «тюрьмы заполнены самыми обездоленными, которые, в свою очередь, не имеют шансов на нормальную жизнь задолго до того, как столкнулись с правоохранительными органами, — что-то с этим обществом не так» (С. 132).

Основной причиной сложившейся ситуации Кристи считает доминирующее «определение криминального поведения» — оно базируется на законах, которые отражают классовую природу общества и потому не угрожают частному капиталу, не препятствуют эксплуатации других, более бедных наций, не обращают внимания, да и не в состоянии отслеживать и контролировать скрытые и хорошо организованные экономические преступления, особенно совершаемые ради выгоды фабрик-великанов, картелей, огромных больниц, бюрократических аппаратов и т.п. — основного социального субъекта современности.

«Если преступность отражает состояние общества, то с него и надо начинать, если мы хотим изменить состояние преступности, но в этом и заключается основное препятствие. Ведь зло порождается не только злом. Зачастую толчок росту преступности дают и такие типы общественного устройства, которые многие считают хорошими. По большому счету, преступность — это плата за то, как мы строим взаимоотношения в обществе. А тип общественного устройства выбирают не случайно, он всегда кому-то выгоден» (С. 139).

Вот почему Кристи убежден, что системе правосудия в одиночку не справиться с растущей преступностью, а криминологи не должны ограничиваться только сфе-

рой деятельности правоохранительных и судебных органов: нужно внимательно исследовать общественное устройство, провоцирующее рост преступности, и разрабатывать меры для развития местной инициативы и коллективного действия, бороться с анонимностью и разобщенностью людей, способствовать децентрализации социального контроля, перестать безоговорочно доверять профессионалам и полностью зависеть от их решений, вместо этого становясь на позиции обычных людей и их ценностей и т.д. Конечно, можно было бы упрекнуть Кристи в излишне идеалистическом пафосе, но он предупреждает подобную критику, признавая, что есть «только медленные, сложные и малоэффективные способы решения этой проблемы... — существования двух экстремальных типов общественного устройства, достоинства которых весьма сомнительны» (С. 143—144).

Итак, перед нами в самом позитивном смысле слова простая книга — написанная доступно, с яркими примерами, без сложных терминов и громоздких вербальных конструкций, хотя изредка читателя могут смутить художественные отвлечения автора, в которых используется абсолютно ненаучный тезаурус, скажем: «Зло не всегда порождается злом. Оно может происходить из чего-то доброго и прекрасного. Говорят, нет худа без добра. Поэтому уменьшение доли зла не обязательно является положительным признаком. Это может быть знаком того, что деградирует то доброе, что мы стремимся сберечь. Лучшим выходом из этой ситуации было бы разрушение взаимосвязи между добром и злом, уничтожение зла и сохранение добра. Но это, как правило, не приводит ни к чему хорошему, поскольку и добро, и зло происходят из одного корня» (С. 12).

Данный пассаж очень показателен, хорошо отражает особенность рецензируемой книги: несмотря на использование ненаучной терминологии (добро и зло — вещи эмпирически никак не верифицируемые и предельно оценочные, а потому не входят в понятийно-категориальный аппарат социологии), в ней прекрасно прослеживаются важные для социального познания идеи.

Во-первых, что все феномены окружающего мира — социальные конструкты, а потому добро (хороший поступок) и зло (преступление) — вещи очень условные и конвенциональные, и в разных обществах в разные исторические эпохи одно и то же действие может квалифицироваться как первое или второе в зависимости от множества самых разнообразных причин (7).

Во-вторых, Кристи фактически обобщает принцип, действие которого было неоднократно описано Дж. Скоттом: вряд ли кто-то иной смог сделать столь же беспрецедентно огромное количество людей несчастными, как государство. Этот тотальный планирующий орган неоднократно за свою длительную историю разрабатывал сложнейшие унифицированные проекты по осчастливливанию своих подданных «сверху», которые приводили к совершенно обратным последствиям [12].

В-третьих, весьма наглядно и даже поучительно на протяжении всей книги Кристи показывает, как микрооптика (антропологический подход и «мягкие» методики социологической работы) способна прояснять макротенденции, фиксируемые статистикой, доказывать их нерелевантность задачам описания и понимания

изменчивых социокультурных реалий, развенчивать устойчивые социальные мифологемы. Так, по утверждению автора, проведшего множество бесед с соответствующими респондентами, «конечно, можно предположить, что я далеко не самый талантливый наблюдатель, но до тех пор, пока кто-нибудь не проведет лучшего исследования, я буду утверждать, что все охранники, включая убийц [в концентрационных лагерях Второй мировой войны на территории Норвегии], за некоторым исключением, не сильно отличались от большинства норвежцев» (С. 77). К сожалению, «мы постоянно боремся за поддержание мифа..., что существуют черные [преступники] и белые [невинные], и белые наказывают черных. Задача современной криминологии — сказать правду о том, что все в глубине души давно знают. Речь должна идти о различных оттенках серого» (С. 104).

Приводя в качестве подтверждения исторические примеры, результаты собственных интервью и данные известных экспериментов Стэнли Мильгрэма, Кристи показывает, что «люди легко доходят до крайности, и что еще важнее, люди доходят до бесчеловечности тем быстрее, чем абстрактнее их отношение к жертве» (С. 80).

Утверждая, что сегодня мы живем в предельно разобщенном обществе, где «видим» друг в друге лишь исполнителей социальных ролей, Кристи обнаруживает причину нынешних исторически беспрецедентных масштабов преступности не в том, что все большая часть людей внезапно стала способна на самые отвратительные поступки, а в том, что возникла новая социальная ситуация, способствующая нашей «незрячести» (мы не видим друг в друге себе подобных).

И.В. Троцук

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Нильс Кристи (1928 г.р.) — профессор криминологии, член Академии наук Норвегии и Швеции, крупнейший и известнейший криминолог современности, многие годы возглавлявший норвежский Институт криминологии Университета Осло. Последовательный противник смертной казни и роста «тюремного населения», сторонник гуманизации и минимизации наказания при неременной защите интересов потерпевшего. В СССР была издана его книга «Пределы наказания» (1984), в постсоветской России — «По ту сторону одиночества: сообщества необычных людей» (1993), «Борьба с преступностью как индустрия: Вперед, к Гулагу западного образца» (1999; 2001), «Приемлемое количество преступлений» (2006) и др. См. [9].
- (2) Конечно, процесс порождения обществом преступности более понятен (любые социальные различия неизбежно влекут за собой реальные или мнимые обиды и девиантные практики), но и обратная модель прозрачна — когда речь заходит об организованных видах преступности (банды, кланы, группировки) и социальной стратификации преступных сообществ (она существует даже под жестким контролем тюремных властей). По мнению Кристи, «тюрьмы — они все одинаковы. Это очень скучное место, очень непродуктивное место, которое ломает людей. ...Оно всегда развивается как иерархическая пирамида: кто-то на самом верху, потом ниже уровень, ниже и внизу люди, которые выпихнуты из общественной жизни, которые лишены не только всех благ, но и возможности нормальной социальной жизни» [8].

- (3) Речь не идет об одиночестве (как, например, в книге [6]), и Кристи даже не упоминает данную проблему — ни как следствие случайных обстоятельств, ни как сознательный выбор миллионов людей в развитых странах и новую социальную реальность крупных городов. Скорее рассуждения Кристи о том, что в больших городах окружающие нас люди превращаются в незнакомых или неузнаваемых, все социальные структуры растут и укрупняются, люди все больше отдаляются друг от друга, близки концепции Ф. Тённиса, разволившего два идеальных типа социальности, в том числе по критерию их размеров, плотности социальных связей и степени отчуждения членов, — общину и общество (см., напр. [13]). Это предположение подтверждает и то, что оба автора уверены в неизбежности увеличения в мире пространства, занятого социумами типа «общество», и не идеализируют небольшие сельские поселения: у обоих образований есть и свои преимущества, и свои слабые стороны. Так, согласно Кристи, локальное сообщество (община в тённисовской версии) может стать столь ограниченной и тесной, что близость окружающих может стать непереносимой и удушающей.
- (4) Судя по тексту, фактически речь идет о социальном капитале местных сообществ, хотя Кристи не использует данный термин.
- (5) В этом смысле относительно книги Кристи не возникает сомнений в ее социологичности. Так, Пер Монсон в своей известной работе «Лодка на аллеях парка» [11] в качестве задач социологии формулирует как раз изучение (описание и объяснение), понимание и изменение общества — на каждой из них в большей или меньшей степени сосредотачиваются те или иные социологические концепции.
- (6) Здесь очевидна аналогия не с дюркгеймовской, а с мертоновской трактовкой аномии, поскольку социальные отклонения в работе Кристи созвучны мертоновским идеально-типическим реакциям на аномию. См. [10].
- (7) См. множество примеров подобного рода в [2].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гилинский Я.* Запреты лишь провоцируют девиантное поведение людей. 12.11.2009. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/11/12/gilinsky>.
- [2] *Гилинский Я.И.* По ту сторону запрета: взгляд криминолога. 26.07.2010. URL: <http://polit.ru/article/2010/07/26/zaprety>.
- [3] *Ван Дейк Т.А.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Аматава. М., 2014.
- [4] *Докторов Б.* «Меня не переставали интересовать причины преступности»: интервью с Я.И. Гилинским. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/06/16/gilinsky>.
- [5] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
- [6] *Кляйненберг Э.* Жизнь соло: Новая социальная реальность / Пер. с англ. М., 2014.
- [7] *Константинов А.* Знаменитый криминолог Нильс Кристи призывает пересмотреть наши представления о правосудии. URL: <http://www.rusrep.ru/article/2011/05/11/mediator>.
- [8] *Кристи Н.* Современное преступление. 18.10.2006. URL: <http://www.polit.ru/article/2006/10/18/kristi>.
- [9] Либерализация права. От репрессий к милосердию. 25.11.2010. URL: <http://polit.ru/article/2010/11/25/kristi>.
- [10] *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Рубеж (альманах социальных исследований). 1992. № 2.
- [11] *Монсон П.* Лодка на аллеях парка. М., 1995.
- [12] *Скотт Д.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. М., 2005.
- [13] *Чеснокова В.Ф.* Язык социологии. Курс лекций. М., 2010.

A BRIEF COURSE OF SOCIOLOGY BY A CRIMINOLOGIST

**Christie N. The Density of Society / Transl. from Norwegian
by E. Rachinskaya; ed. by Ya.I. Gilinskiy. –
St. Petersburg: Aletheia, 2014.**

REFERENCES

- [1] *Gilinskiy Ja.* Zaprety lish' provocirujut deviantnoe povedenie ljudej [Restrictions only provoke deviant behavior]. 12.11.2009. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/11/12/gilinsky>.
- [2] *Gilinskiy Ja.I.* Po tu storonu zapreta: vzgljad kriminologa [On the other side of the ban: a criminologist's perception]. 26.07.2010. URL: <http://polit.ru/article/2010/07/26/zaprety>.
- [3] *Van Dijk T.A.* Diskurs i vlast': Rerezentacija dominirovanija v jazyke i kommunikacii [Discourse and Power: Representation of Domination in Language and Communication] / Per. s angl. E.A. Kozhemjakina, E.V. Pereverzeva, A.M. Amatova. M., 2014.
- [4] *Doktorov B.* «Menja ne perestavali interesovat' prichiny prestupnosti»: interv'ju s Ja.I. Gilinskim ["I have never stopped to be interested in the causes of crime": An interview with Ja. Gilinskiy]. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/06/16/gilinsky>.
- [5] *Durkheim E.* O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii [The Division of Labor in Society. The Rules of Sociological Method]. M., 1991.
- [6] *Klinenberg E.* Zhizn' solo: Novaja social'naja real'nost' [Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone] / Per. s angl. M., 2014.
- [7] *Konstantinov A.* Znamenitij kriminolog Nils Christie prizyvaet peresmotret' nashi predstavlenija o pravosudii [The famous criminologist Nils Christie calls to reconsider our notions of justice]. URL: <http://www.rusrep.ru/article/2011/05/11/mediator>.
- [8] *Christie N.* Sovremennoe prestuplenie [Modern crime]. 18.10.2006. URL: <http://www.polit.ru/article/2006/10/18/kristi>.
- [9] Liberalizacija prava. Ot repressij k miloserdiju [The liberalization of law. From repressions to compassion]. 25.11.2010. URL: <http://polit.ru/article/2010/11/25/kristi>.
- [10] *Merton R.* Social'naja struktura i anomija [Social structure and anomie] // Rubezh (al'manah social'nyh issledo-vanij). 1992. № 2.
- [11] *Monson P.* Lodka na allejah parka [Boat on the alleys of the park]. M., 1995.
- [12] *Scott J.* Blagimi namerenijami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchshenija uslovij chelovecheskoj zhizni [Seeing like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition have Failed] / Per. s angl. Je.N. Gusinskogo, Ju.I. Turchaninovej. M., 2005.
- [13] *Chesnokova V.F.* Jazyk sociologii. Kurs lekcij [The Language of Sociology]. M., 2010.